

ХЕЛЕНА
ХЕЙЛ

*Холодный
кофе*

*или Одиночество
Офелии Коулман*

ХЕЛЕНА ХЕЙЛ

Холодный кофе

или Одиночество
Офелии Коулман

Посвящается девочке,
которой было настолько одиноко и больно,
что она решила написать свой первый любовный роман.
Создать собственную любовь.
И подарить ее кому-нибудь еще

ПЛЕЙЛИСТ

- Lil Jon & Gangsta Boo* — «Move Bitch»
Neil Diamond — «Girl, You'll Be a Woman Soon»
Nicki Minaj — «Chun-Li»
Chris Isaak — «Wicked Game»
Rick Astley — «Never Gonna Give You Up»
CLC — «Black Dress»
Eminem — «Not Afraid»
Britney Spears — «Baby One More Time»
Bring Me The Horizon — «Follow You»
R. E. M. — «Losing My Religion»
David Usher — «Black Black Heart 2.0»
Shogun feat. SLVG — «2 FAST 2 FURIOUS»
Kendrick Lamar feat. Jay Rock — «Money Trees»
Shwayze — «Get U Home»
Paramore — «Decode»
Three Days Grace — «I Hate Everything About You»
Adam Deacon & Basby feat. Paloma Faith — «Keep Moving»

ПРОЛОГ

КТО-ТО ВЫКРИКИВАЛ МОЕ имя, в темноте мигали синие и красные огоньки скорой и полиции. Теперь я расслышала — надрывный голос принадлежал ему. Кто же знал, что студенческая жизнь окажется настолько яркой и запоминающейся? Кто знал, что всего один человек может перевернуть мировоззрение на сто восемьдесят градусов?

— Держись, Офелия, прошу! Я люблю тебя, Вороненок, ты только держись!

Неужели он не понимал, что эти слова причиняли мне больше боли, чем раны? Вот почему я избегала мужчин. Однажды один из них превратит жизнь в чертов ад на земле.

— Офелия, вы слышите? Не закрывайте глаза! Не закрывайте! — Кто-то аккуратно хлопал меня по щекам.

Затуманенный взгляд был направлен на него: ему надели наручники и посадили на заднее сиденье полицейской тачки. Я почти расхохоталась, настолько было неувидительно, что я попала в ту самую ситуацию, о которой мама предупреждала меня с малых лет.

— У нее есть с собой документы? — спросил фельдшер.

Вдруг раздался рингтон моего мобильного.

— Добрый день. С вами говорит фельдшер скорой помощи Джеральд Льюис. Вы мама мисс Коулман? У нее огнестрельное ранение, состояние критическое, но она жива. Успокойтесь, прошу вас! Мы возем ее в Принстон-Плейнсборо. Пожалуйста, не кричите!

Я почувствовала себя героем «Мортал Комбат», которому нанесли финальное фаталити. Этим последним ударом был звонок моей вездесущей матери.

— НЕ МОГУ поверить, что ты прошла, да еще и со стипендией! — воскликнула моя мама, подпрыгивая. — А ты, оказывается, не так уж и безнадежна!

— Мам, мне, конечно, приятно, но не очень хочется, чтобы посторонние знали, как ты оцениваешь мои интеллектуальные способности и мотивируешь свою дочь, — пробубнила я из-под волос, закрывавших мне лицо.

Парикмахер только что закончила окрашивание и приступила к стрижке каре. Последние полгода я безвылазно готовила свою исследовательскую работу и детектив, которые и стали моим проходным билетом в Принстонский университет, поэтому на отросшие корни совсем не было времени.

— Господь, направь эту беспризорницу на верный путь и пошли ей хорошенького студента, дабы угомонить...

— Мама! — Я схватила со стола расческу и легонько шлепнула маму по бедру. — Мы не в церкви, прекрати!

— А как иначе бороться с твоей пассивностью?! — спросила мама, взглянула на позолочен-

ные наручные часы и продолжила: — Так, сейчас мы отправимся в торговый центр! Накупим тебе всего...

— Даже не думай уговаривать меня купить юбку, платье и прочую девчачью дребедень.

— Но ты же и правда девочка! — застонала мама.

Я знала, ей было важно, чтобы я всегда выглядела лучше всех. Она обожала шопинг, обожала наряжать меня, как куклу, и никак не могла принять мой «готический», как она выражалась, стиль.

— Черт, если ты действительно угомонишься, я, так уж и быть, соглашусь на два платья и две юбки. Со мной случится инсульт, если их будет больше.

— Ура!

Мама подбежала и чмокнула меня в щеку. От неожиданности парикмахер чуть не отрезала мне волосы до макушки.

— Мисс, пожалуйста, присядьте на гостевой диван, — не выдержала она.

Подготовка к университету всю последнюю неделю шла полным ходом. В понимании моей матери начиналась совершенно новая жизнь, а в моем — новые проблемы. Мама все школьные годы мечтала о том, чтобы я попала в один из университетов Лиги плюща, откладывала деньги, которые, кстати, не пригодились, ведь мне удалось получить стипендию. Мы жили в Филадельфии, где тоже имелись приличные университеты, но мама была одержима Йелем и Принстоном. Она не заставляла меня учиться, с учебой у меня проблем

не возникало, я прекрасно осознавала, что это необходимо, но с тревогой относилась ко всему новому, тем более к переезду.

Я наблюдала за мамой, пока парикмахер вертела меня из стороны в сторону: женщина сорока лет, тростиночка, с виду — моя ровесница. Черные (от природы, не то что у меня) волосы собраны в конский хвост, рваные джинсы, широкая рубашка в клетку, кроссовки Рита с прорезиненной подошвой — нет, никогда бы не дала ей сорок. Да и окружающие всегда принимали нас за сестер.

После салона красоты мы таки отправились в торговый центр. Вирджиния Коулман как сумасшедшая сгребала все яркие платья и кидала на стул в примерочной. Я сбилась со счета уже на седьмом, поэтому просто как робот надевала их и снимала, уговорив себя взять то, что приведет маму в восторг. Пока шла примерка, я благодарила бога, что учебники, тетради, блокноты и прочую канцелярию мы закупили на прошлой неделе. Сил и нервов на дальнейшие хождения по магазинам не осталось.

— Нупусти свою мать, что я там не видела! — потребовала она. Как ни крути, а мама и деликатность в общественных местах — вещи противоположные.

— Терпение, мам!

«Кое-чего ты и впрямь не видела, да и не стоит тебе это видеть», — думала я, стягивая очередной наряд. Сдав последний школьный экзамен я набила татуировку у своего хорошего знакомого и тату-мастера по совместительству. От середины бедра до

тазовой кости и вдоль ягодицы тянулись бордовые розы с гравированным кинжалом, запутавшимся в шипах, по центру. К такому маму следовало подготовить заранее, учитывая ее неумение держать язык за зубами.

Конечно, помимо маминых кукольных нарядов были куплены и мои постоянные спутники — черные джинсы, черные футболки, черные бейсболки, черные кроссовки, черные куртки и толстовки. Наверное, одержимость мне досталась от матери. Но вот без чего мой день точно не мог пройти, так это без стакана айс-карамель-макиато из «Старбакса». От холодного кофе я была зависима сильнее, чем от сигарет.

Два огромных чемодана были доверху забиты: один исключительно моими фаворитами, второй — вещами, купленными по маминой прихоти. На самом деле мама не всегда была такой «современной», заботливой и лучезарной по отношению ко мне. Подозреваю, что она чувствует себя очень виноватой каждый раз, когда замечает шрам над моей ключицей. Семь лет назад один день круто изменил наши с мамой жизни. День, когда умер отец. Еще совсем крохой я осознала: отношения моих родителей разительно отличаются от понятия «счастливый брак». Папа был вспыльчивым и злоупотреблял спиртным, мама — требовательная и импульсивная. Они не уступали друг другу в характерах, однако чаще всего после ссор сухим из воды выходил отец за счет влияния своей матери: бабушка постоянно

запугивала мать тем, что если та уйдет от отца, то они отсудят у нее все, до последнего цента, но маму больше всего пугало то, что на самом деле имела в виду бабуля. Отсудят меня.

И если до десяти лет я больше тянулась к отцу, проводила свободное время в его итальяно-американской автомастерской, зубрила названия запчастей, моделей и марок, лишь бы папа выбирал меня, а не бутылку, то к одиннадцати годам бросила эту затею, поняв, что мама любит меня безусловно. Что именно на ее терпении держится наша семья и что папа, который некогда любил ее и даже ждал моего появления на свет, в какой-то момент осознал, что ошибся, решив жениться и завести семью, пусть и с такой красавицей, как Вирджиния.

День смерти отца я предпочитаю не вспоминать, мне достаточно шрама. Но именно это событие подтолкнуло меня записаться в секцию по боксу. Проведя детство в автомастерской, я редко находила общий язык с девчонками, потому что меня больше интересовали машины, чем куклы, а после случившегося многие одноклассницы и вовсе меня побаивались. Ступив на ринг, я укрепила страх перед своей персоной и именно тогда приняла решение, сформировавшее мой характер, — нападай первой, не жди, когда ударят.

Бокс никак не вязался с моим внешним видом и физическими данными. Девчонке с не по годам развитой грудью, ростом пять футов и три дюйма*,

* Примерно 160 см. (Здесь и далее примечания автора.)

весом сто четырнадцать фунтов* нужно было хорошо постараться, чтобы ее допустили к борьбе в наилегчайшем весе. И все же мне удалось войти в ритм, дважды поучаствовать в соревнованиях — и все ради того, чтобы понять: достаточно оттачивать навыки самообороны.

Но и бокс не стал основным поворотом моей судьбы. Книги. Да, я обнаружила, что книги — мое спасение от ссор и криков отца, от тоски по настоящей отцовской любви, от одноклассниц, с которыми мне никогда не удавалось найти общий язык, и вообще от людей в целом. Поселившись в выдуманных реальностях, я пришла к тому, что стала создавать эти реальности сама.

— Милая, как же я без тебя буду? — сетовала мама, пока мы спускали чемоданы к входной двери.

— Думаю, отдохнешь как следует. Тем более почаще сможешь звать в гости Гектора.

— Так тебе завидую! — Конечно, она пропустила мое замечание мимо ушей. — Когда я училась в университете, родители не стали тратить на общежитие. Приходилось вставать ни свет ни заря и тащиться на общественном транспорте на первые пары. — Мама поморщилась. — Надеюсь, в коммуне ты найдешь себе друзей. Ты так одинока.

— Брось, у меня есть ты. — Я криво улыбнулась маме.

— Ну, со сверстниками интереснее...

* Около 51 кг.

— Вспомни моих «подружек»! Первая увела Брендана. — Я изобразила пальцем усики Брендана, и мама громко расхохоталась. — Вторая оказалась тупой, как угол в девяносто пять градусов... — Я загнула пальцы, намереваясь продолжить.

— Ладно, я поняла-поняла. И все же... Ты ведь будешь учиться в огромном университете, вряд ли тебе удастся и дальше шарахаться людей.

— Они все жутко деградируют. Мои ровесницы то есть. Или мне просто не удалось встретить ни одну личность, с которой можно было бы пообщаться не только о парнях и прочей романтичной мерзости. — Я встряхнула головой, будто сантиментами можно было заразиться, только подумав о них. — Да и за что ты так со мной? Я хотела жить в общежитии, там и дешевле, и спокойнее, чем в сестринстве.

— Чтобь даже на каплю не прочувствовать все прелести студенчества? — Мама посмотрела на меня с искренним удивлением. — И, Офелия, пожалуйста, не надевай ты черное каждый день! Ну, ей-богу, всех парней распугаешь!

— Но ведь в этом и смысл...

— А девчонки наверняка боятся тебя. Этот твой мрачный образ... А выражение лица? Да у Джейсона из «Пятница тринадцатое» маска и то позитивнее!

Я закатила глаза и сбежала, не желая продолжать разговор.

Утром такси подъехало к нашему небольшому домику на Саут-Мелвилл-стрит, и мы быстро по-

грузили вещи. Мама вытирала слезы, махая мне белым платочком у почтового ящика, пока я тряслась от волнения на заднем сиденье. На автомобиле до Принстонского университета ехать час-два в зависимости от загруженности дорог, а учитывая, что сегодня предпоследний день летних каникул, стоять нам все три часа. Я предупредила водителя, что если мы не заедем по пути в «Старбакс» на перекрестке Южной 34-й и Уолнат-стрит (в котором я, кстати, проработала все лето), то в Нью-Джерси он привезет засушенный жаждой и жарой сухофрукт.

Когда мы встали в пробку, я вдруг ясно осознала, что на четыре года переезжаю в чужой город. Мое окружение, скорее всего, составят неприятные люди, а по соседству будут проходить безбашенные вечеринки. Мне ежедневно придется делать столько домашнего задания, сколько за всю школьную жизнь и не снилось! А еще — никакого личного пространства за пределами комнаты коммуны.

Мне, конечно, по жизни было безразлично мнение окружающих, и все с первого взгляда на меня могли это понять — мое лицо выражало настрой лучше любых слов. Еще я напонила себе, что я дичайшая неудачница, супернеуклюжая и что смех у меня скорее больше похож на лошадиный, чем на человеческий, что... «Нет, Офелия, остановись! — я отрицательно покачала головой, отмахиваясь от приступа неуверенности в себе. — Тебе же нет никакого дела до чужого мнения!» — ...и продолжила пить кофе.

Как приятно было бы оказаться в мире, где и остальным на тебя плевать. В школе каждому до меня было дело. Цеплялись к одежде, к тому, что интересы у меня не девчачьи, что книги я читала «не для девочек» — детективы, жанр, который сам избрал меня, в котором я нашла себя как писателя. Дразнили за худобу и низкий рост, хотя в классе я была второй с конца, а не последней! Прозвали Лепрекконом, посчитав, что я ходячее олицетворение злобного карлика и краду удачу, точнее грудь, у других девчонок, иначе почему к старшей школе я обладала самым большим бюстом, а они оставались почти совсем плоскими? Да-да, всё моя лепрекконская сущность! В какой-то момент я просто перестала обращать внимание на издевки. Лучше наводить ужас на окружающих, чтобы продолжали держаться от меня как можно дальше.

Прошло три с половиной часа, и мы наконец въехали в Принстон. Территория кампуса была так велика, что я не сразу поняла, когда именно мы там оказались. По фотографиям Принстонский университет напоминал мини Хогвартс. Бесподобный и величественный, он внушал благоговение одним своим видом. Моя греческая организация находилась у озера Карнеги, до которого мы добирались по Лейк-драйв. Солнце палило невероятно, но меня спасали солнцезащитные очки в пол-лица. Солнечные блики плясали на воде, большинство растений уже отцвело, но многие из них все еще оставались зелеными. Коммуны располагались в довольно живописном месте — я даже позволила

